

НА
ТЕАТРАЛЬНЫЕ
ТЕМЫ

Рождение трудовой биографии

Для иллюстраторов от литературы неважно, о чем писать, что отображать в своих произведениях — квартирную склоку или подвиг первооткрывателей. Был бы только острый, выигрышный материал да возможность покрасоваться своим авторским «я». Писатель же мыслящий, взыскательный не станет размениваться на побрякушки, а всегда будет стремиться к образному утверждению того нового и важного, что рождается в жизни, что составляет душу нашей современности, выражает облик эпохи.

С этой точки зрения полезно взглянуть, куда же устремляется сегодня творческое внимание украинских литераторов, каким темам они отдают предпочтение, что занимает их умы и воображение.

В ПОСЛЕДНЕЕ время в украинской литературе отмечается небезыңтересное и, можно сказать, знаменательное явление. Одно за другим появляются произведения различных жанров, в которых широко трактуется проблема трудового воспитания людей. Достаточно назвать книги В. Собко «Обыкновенная жизнь» и «Покой нам только снится», Ю. Збанацкого «Поздравьте меня, друзья», П. Чебалина «Черноокая, черобровая», А. Гуреева «Друзья не изменяют», поэму П. Дорошко «Три богатыря». Эта же тема активно разрабатывается и в украинской драматургии. Вслед за комедией В. Минько «На хуторе близ Диканьки», где юный герой Геня мучительно ищет свое место в жизни, в театрах республики были поставлены пьесы В. Собко «Песня под звездами», А. Школьника «Юность моя», Ю. Бобошко, В. Гончарова и П. Пасеки «Грани алмаза», Г. Мазина «Сегодня и всегда», в которых, в той или иной форме, рассказывается о благотворном влиянии свободного творческого труда на духовное формирование человека. Конечно, произведения эти не одинаковы по жизненному богатству и эстетической силе, по принципам художественного осмысления действительности и литературному мастерству. Но все они посвящены одной и той же, исключительно важной общественной проблеме — выбору жизненного пути.

Почти одновременное появление большого числа произведений из жизни рабочего класса — отнюдь не случайно. Можно сказать, самый воздух нашей страны насыщен трудовым энтузиазмом. И внимание к теме труда свидетельствует о политической чуткости советских художников — верных и надежных помощников партии в ее идейно-воспитательной работе. Поэтому нельзя не отдать должное авторам пьес и спектаклей, взявших на себя исключительно почетную и в то же время нелегкую творческую задачу — показать рождение трудовой биографии современной молодежи.

Не беремся здесь анализировать всю литературную продукцию на эту тему. Обратимся лишь к тем произведениям, с которыми киевский зритель уже успел познакомиться. Речь идет о трех спектаклях «трудового цикла» — «Песня под звездами» в театре имени Леси Украинки, «Грани алмаза» — у франковцев и «Юность моя» во Львовском театре имени Горького, показавшего свою постановку по телевизору.

Что характерно для всех этих спектаклей? Стремление показать романтику трудовых будней, раскрыть пафос созидания, которым охвачены молодые советские патриоты, представленные здесь в образах строителей комсомольских шахт и химического комбината. Это — Катя Несмеяна и другие герои «Песни под звездами», Галина Войко, Ярослав Таран и сестры Зоули из «Граней алмаза», крановщица Галия, монтажники Татьяна Ларина и Иван Васильев из пьесы «Юность моя». Всем им присуща одна общая черта — патриотическая самоотверженность, романтическая влюбленность в порученное дело, юный задор. Это и придает пьесам о молодых тружениках особую привлекательность.

Поэтизация героики труда тем более своевременна, что у некоторой части нашей молодежи существует превратное представление о природе и существе героизма, связанного якобы лишь с необычайными подвигами. Между тем наша повседневная действительность — дерзновенная и крылатая — открывает тысячи возможностей для проявления мужества духа — будь то запуск космических ракет, освоение вековой целины, обуздание речной стихии, строительство домной печи или выращивание высокого урожая.

Прославление труда как выс-

шей моральной ценности человеческого существования — главное достоинство показанных спектаклей. К чести театров следует сказать, что они многое сделали для того, чтобы приподнять и обогатить образы молодых энтузиастов, наделить их приметными индивидуальными чертами. Правда, не всегда это удавалось, и часто образы юношей и девушек сливаются в некий групповой образ устремленной, жизнерадостной молодости. А ведь типическое в искусстве достигается через частное, индивидуальное, неповторимое. Но этого как раз и недостает многим драматургическим героям, в частности в «Гранях алмаза». Не потому ли в театре имени Ив. Франко пошли по пути преувеличения, излишнего подчеркивания какой-нибудь одной черты действующего лица, чтобы как-то выделить его из общей массы. Так, например, случилось с образом Васи, в котором навязчиво выплывает «солдатское утро». Но как бы прочувственно ни играл В. Цимбалист, — одной военной выправкой трудно создать сценический образ человека, если он пассивный и безликий. Собственно говоря, по этому же методу изображены и сестры Зоули, больше фигурирующие в виде «сестер Федоровых», нежели в качестве строителей шахты.

ОЧЕНЬ хорошо, что драматурги видят и отражают в своих пьесах существенные процессы народной жизни. Все чаще стали появляться на сцене наши сегодняшние современники со своими большими делами, помыслами, переживаниями. Такому потоку нельзя не радоваться. Но новые жизненные явления зачастую вкладываются в привычные формы старых литературных схем, что ведет к шаблону, штампу, обеднению, а то и искажению реальной действительности. Уже очень часты совпадения в расстановке противоборствующих сил, в развертывании драматической интриги, характере столкновений, способах развязки конфликта. Короче говоря — бросается в глаза однообразие художественных решений.

Подлинное мастерство в том и состоит, чтобы сходному жизненному материалу дать разнотипность сюжетного решения, богатую многообразность человеческих характеров. А в названных здесь пьесах да и во многих других персонажи родственны даже в деталях. Смотришь — то мелькает фигура вредителя с баяном в руках, то повсеместно расхаживает разухабистый, бесшабашный передовик производства, то кривляются бледнолицые прожигатели жизни. От такого трафарета идет, например, весь первый акт пьесы «Юность моя» с набившим оскомину привычным стилизанным антуражем. Правда, два последних действия этой пьесы искупают недостатки первого. В них с любовью воссозданы образы молодых строителей, показанных не по производственному признаку, а во всей своей трогательной человечности, в своих порывах и страстях, радостях и огорчениях, поисках и заблуждениях.

Шаблон сказывается даже в повторяемости имен действующих лиц. Так, в двух рассматриваемых пьесах главные герои носят имя Ярослава, а героини — Гали. Но это, конечно, мелочь. Огорчают более досадные «кочующие мотивы».

Особенно страдают этим «Грани алмаза» — пьеса, лишенная сюжетной цельности, компактности, сквозного действия. Главная драматургическая интрига ее — анахронична. Это видно и по носителем конфликта, будь то неуравновешенный, импульсивный Роман Степовой или вражеский лазутчик Туз. Роман вроде бы гонимся за громкой славой. Но ведь болезненное честолюбие осуждено еще в известной пьесе В. Гусева «Слава», в которой хорошо сказано, что «слава приходит к нам между делом, если дело достойно ее». А враждебные действия Туза, да и других подобных героев, заставляют вспомнить драматургию конца двадцатых и начала тридцатых годов, когда образы вредителей выкраивались по одному лекалу — они обязательно что-то ломали, разрушали, выводили из строя. Но разве такие типы характерны именно для наших дней? А они кочуют из пьесы в пьесу. Стойки в «Гранях алмаза» шахтные естлики подбивают отщепенец Туз, то в новой пьесе П. Лубенского и М. Билецкого «Песня над Бугом» то же самое проделывает другой вредитель, но-

сущий фамилию Чума. Вот уж истину нежелательная эпидемия!

Стремясь заострить драматургическое действие, некоторые авторы прибегают к явно выраженным антагонистическим конфликтам, вряд ли типичным для современного советского общества. У нас нет социальной базы для враждебных политических актов, к чему же, заимствуя их из прошлого, заполнять ими пьесы? Зачем возвращать драматическую литературу вспять? Разве в нашей жизни нет иных, более характерных общественных и личных противоречий?

И кульминационные эпизоды «Граней алмаза» далеко не свежи. Центральным событием, которое грозит закрытием шахты, стал обвал породы и прорыв воды. Но разве нечто подобное мы уже не видели у франковцев, ну, хотя бы в пьесах И. Микитенко «Девушки нашей страны» или Я. Баша «Днепровские звезды»?

Очень похвальные намерения авторов «Граней алмаза» поэтически воспеть эстафету, комсомольской доблести — от первых бойцов революции и до строителей допетровских шахт. Драматурги, конечно, думали о гранях юных душ, чистых и твердых, как алмаз. Но, увы! Интересный замысел не нашел достойного образного воплощения. Характерно, что только там, где речь заходит о подлинном предмете искусства, о волнении человеческих душ, — наступает волнение и в зрительном зале (романтически преподнесенные сцены Ярослава и Майи; буйная отцовская радость Романа и т. д.).

Театр, видимо, с увлечением работал над пьесой, молодым авторам и режиссеру П. Пасеке деятельно помогал М. М. Крушельницкий, что сказалось на поэтичности, приподнятости и живописности ряда сцен. Есть и добротные актерские работы, хотя бы М. Панафьева, М. Заднепровского и др. Но восполнить пробелы пьесы театру не удалось. Отсюда — досадная сценическая эклектика, порожденная, прежде всего, незавершенным драматургическим материалом, явно не рассчитанным на академическую сцену.

Стремление к поэтической символике само по себе хорошая вещь, но ею следует пользоваться тонко и вдумчиво. В спектакле же франковцев есть в этом отношении сомнительные места. Так, видение памятника героям-комсомольцам появляется в не очень-то подходящий момент, когда Роман бросается с ножом на Ярослава. Да и вряд ли сопоставимы изображенные в пьесе события с героизмом легендарных подпольщиков. Собственно говоря, что героического совершил центральный герой пьесы Ярослав Таран? Чем он может пленить, поразить, потрясти душу зрителя? Тарана больше аттестуют другие персонажи, чем его собственные поступки. Зритель воспринимает доблести Ярослава часто на веру, побуждаемый к этому восторженными отзывами других действующих лиц. Но это, как известно, не лучший способ драматургической характеристики героя. А ведь Таран — главный выразитель идеи «Граней алмаза».

ДЕЙСТВИЕ пьесы «Песня под звездами» также развертывается в Донбассе, на строительстве комсомольской шахты, и повествует она тоже о трудовых свершениях молодых горняков. Для В. Собко эта тема органична, она последовательно разрабатывается писателем на протяжении ряда лет. Писатель пристально присматривается к рабочей жизни, стремится своевременно отразить возникающие в ней новые явления, создать правдивые образы людей индустриального труда.

Отрадно, что драматург все больше тяготеет к психологическому письму, заботится не только об острой сюжетности своих пьес, о напряженности внешних столкновений, но и стремится раскрыть внутреннюю жизнь людей, передать душевные борения героев. Это, в какой-то мере, характерно и для пьесы «Песня под звездами». В ней, наряду с передовыми бойцами семилетки, беззаветными строителями комсомольских шахт, выведены и такие молодые люди, как брат и сестра Салаи. Они воспитывались в семье, где царил обожествление собственности, где националистический зубр Карпо Салай прививал детям ненависть к советскому строю, принесшему на западные земли Украины выстрадаанные поколениями человеческие права, свободу, новые, коллективные формы жизни. Если старый газда, во многом перекликающийся с таким же лютым собственником и националистом Штефаном Петрич из трагедии Я. Галана «Любовь на рассвете», и дает благословение Ольге и Юре на поездку в далекий, «чуждый»

край, то только затем, чтобы они могли там мутить юные души, прививать людям вредные взгляды, сеять недовольство и клевету. Правильно делает драматург, когда он обличает отчаявшихся националистических последышей не по деактивной линии, полюбившейся многим авторам, а средствами психологического повествования. Меняются времена, меняется и тактика вражеских недобитков. Они помышляют не о материальном ущербе, а об отравлении человеческого сознания, о душевных травмах, духовном вредительстве. Так, собственноручно, и воспринимается все поведение Карпа Салаи, уже лишенного своих хищных клыков, но брызжущего ядовитой слюной и отравляющего здоровую атмосферу нашей жизни.

То, что конфликт «отцы и дети» питается националистическими заблуждениями старого Салаи — только заостряет ход действия, правда, излишне прямолинейно и недостаточно сюжетно опосредствованного. Как бы выиграла пьеса в своем драматизме, если бы автор подверг детей Салаи — Ольгу и Юру большим испытаниям, если бы он создал дополнительные ситуации, позволяющие яснее судить об их внутренних переживаниях. Тогда бы, очевидно, активнее развинулся и Карпо Салай, тогда бы он изобличался не только самой действительностью, а и открытым противодействием духовно переворачивающихся детей. Но самые серьезные и ответственные испытания приходят к молодым героям лишь в конце пьесы, и это воспринимается как-то результативно. Автор, очевидно, сам почувствовал недостаточную заполненность центральной драматургической интриги и прибегнул к другим, осложняющим, мотивам, в частности, к истории трудной любви комсорга Кати Несмеяны и неугомонного, озорного Гриши Погребняка, что порою оттесняет главный конфликт пьесы. Значение важного, актуального спектакля «Песня под звездами» значительно выросло бы, если бы автор сюжетно и психологически развил основной мотив пьесы.

Театр в лице режиссера Н. Соколова и участников спектакля более чем добросовестно потрудился, чтобы на сцене действовали живые человеческие лица, чтобы разнобразить и детализировать образы самоотверженных строителей новой жизни. Правда, не все изобретательные мизансцены спектакля кажутся нам уместными и приемлемыми. Слишком натуралистичны, например, показана аппетитная трапеза, к тому же нарочито вынесенная на авансцену.

Из виденных нами исполнителей сильное впечатление производит Ю. Лавров, рисующий Салаю злобным злодеем, лишенным каких-бы то ни было радостей, всецело погруженным в черный омут своих злобных страстей. Жаль только, что актер злоупотребляет найденным ключом и вносит в интонационный рисунок образа ненужные «рычащие» ноты. А разве и без того не ясно, что перед нами хотя и злобный, но уже бессильный двуногий волк, чуждый даже собственным детям. В нашу задачу не входит подробный анализ актерских работ, но нельзя здесь не отметить сочной игры Д. Франько, похвальный художественный такт А. Смоларовой (хотя образ Кати Несмеяны, созданный артисткой, по жизненному опыту старше литературного первоисточника), темпераментность исполнения А. Роговцевой, убедительность сценического поведения Ю. Мажуги и Н. Рушковой.

Театр имени Леси Украинки, длительное время оперировавший однотипным, преимущественно только «интеллигентским» материалом, в последнее время заметно усилил свое внимание к жизни широких народных масс, к проблемам широкого общественного звучания. Об этом свидетельствует и постановка «Песни под звездами». Такая творческая переориентировка внесла новую живительную струю в деятельность коллектива, и надо пожелать театру не снижать своей активности и настойчивости в поисках и сценической реализации новых произведений о насущных проблемах нашей кипучей действительности.

Новые премьеры украинских театров, в частности киевских, свидетельствуют о серьезном стремлении драматических коллективов создать спектакли о главном герое современности — человеке труда. Но искусство не терпит снисходительных скидок на тему. Там, где нарушается законная требовательность, — немедленно неудачи. На одном неминорном ступени, как говорится, не выедешь. Благие намерения — еще не желанные результаты. Чем важнее тема, тем более яркое воплощение она должна находить и в литературе, и на сцене. Только в таком случае театр сможет действительно выполнить свою высокую идейно-эстетическую миссию.

Иосиф КИСЕЛЕВ.